

Т. Н. Дмитриева, Топонимия бассейна реки Казым. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Ижевск 2006. 847 с.

27 сентября 2006 г. на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06 при Удмуртском государственном университете состоялась защита докторской диссертации Т. Н. Дмитриевой «Топонимия бассейна реки Казым». Официальными оппонентами выступили доктора филологических наук М. Г. Атаманов (Ижевск), профессор И. И. Муллонен (Петрозаводск) и профессор Д. В. Цыганкин (Саранск).

Рецензируемая работа представляет собой комплексное структурно-семантическое, историко-лингвистическое и историко-культурное описание топонимии бассейна реки Казым, правого притока Оби, одного из регионов Западной Сибири, создателями которой являются ханты, отчасти лесная группа ненцев, коми-зыряне, манси, русские. Труд поражает своим объемом — 847 с., скрупулезностью описания собранного материала, а также любовью автора к языку, истории, культуре народа ханты, создавшего этот уникальный лингво-исторический материал. Об актуальности темы Т. Н. Дмитриева пишет, что топонимия коренных народов севера Западной Сибири заслуживает самого пристального внимания как уникальный источник информации об их языке, истории и культуре, однако до сих пор топонимические системы в районах проживания ханты, манси и ненцев изучены недостаточно, во многих регионах топонимы даже не собраны. Однако то же можно сказать и о других регионах России. Даже в самом центре страны — в Московской и примыкающих к ней областях не во всех районах географические названия собраны и описаны, скажем, так, как в Финляндии и других развитых странах мира.

Бассейн реки Казым и весь север Западной Сибири в эти годы стали основным центром добычи нефти и газа. С притоком нового населения усиливаются процессы лингвоэтнической ассимиляции коренных жителей, а это

неизбежно ведет к утрате географических названий на их языках.

Основной материал Т. Н. Дмитриева собирала в полевых условиях — 13 раз выезжала на Казым. В ее картотеке насчитывается 10 тысяч топонимико-лексических единиц, из них 2,5 тысячи анализируются в рецензируемой работе. Широко привлекаются данные картографических и исторических источников разных эпох — от XVII до XX в., которые хранятся в архивах, а также материалы, собранные венгерскими, финскими, российскими учеными среди хантов. В своей работе Т. Н. Дмитриева пользуется методами научного описания, структурной и семантической классификации, этимологической интерпретации, статистического и сравнительного анализа и т.д. Она привлекает данные фольклора, отчасти этнографии и немного археологии. Для выяснения древней истории любого региона очень важны данные археологии, но описываемый район в археологическом плане, видимо, еще слабо изучен.

Т. Н. Дмитриева известна своими трудами в финно-угорском мире, среди топонимистов; по рассматриваемой теме ею опубликованы 54 работы, в том числе монография «Топонимия бассейна реки Казым» (Екатеринбург 2005). Она участвовала в работе 13 международных, 12 региональных научных конференций, симпозиумов, конгрессов.

В структурном плане исследование состоит из предисловия, пяти разделов основной части, заключения и приложения.

В первом разделе (ведение, 16—79) автор дает физико-географическую характеристику бассейна р. Казым и краткий исторический очерк региона с описанием этнической ситуации, излагает историю изучения топонимической системы на территории проживания хантов и лесных ненцев и приводит обзор литературы по топонимии, созданной этими народами. В том же разделе опи-

сываются особенности казымского диалекта в системе хантыйского языка и их отражение в топонимии. Приводится сложнейшая транскрипция и транслитерация хантыйских топонимов, предложенная В. Штейницем.

Во втором разделе (с. 80—127) рассматриваются структурные типы и модели хантыйских топонимов. Как и в других финно-угорских языках, названия географических объектов в хантыйском создаются путем словосложения и суффиксации; чаще всего они состоят из двух, трех, реже четырех и более компонентов.

В бассейне р. Казым преобладают трехкомпонентные названия: из 2,5 тысяч анализируемых топонимов их количество доходит до 1044, или 44,4%, двухкомпонентных названий 793 (33,6%), четырехкомпонентных — 404 (17,1%), пятикомпонентных — 77 (3,3%), односоставных — 26 (1,1%), шестикомпонентных 13 (0,6%).

Четырех- и более компонентные названия, по мнению рецензента, особенно характерны для топонимии обских угров, у других же финно-угорских народов, в частности у удмуртов, преобладают двухкомпонентные и односоставные. В микротопонимии достаточно много трехкомпонентных и эллиптированных названий, но и они здесь не доминируют. Если и встречаются изредка пяти- и шестикомпонентные названия, то считать их топонимами в прямом смысле затруднительно — скорее это описательные названия-однодневки. Например, *Быдзым куала гурезь йылысь чабей бусы* 'Пшеничное поле, расположенное на вершине горы великого родового святилища' — на этом поле нынче посеяли пшеницу, а в будущем году посеют овес или лён, а может быть, многолетние травы. Естественно, тогда название будет звучать иначе. Не то же ли и с микротопонимами у обских угров, в данном случае, на Казыме, у хантов?

По данным Т. Н. Дмитриевой, в качестве последнего, определяемого компонента многокомпонентных топонимов обычно выступает выполняющий роль имени-классификатора-д е т е р м и -

н а н т а географический термин, указывающий на вид называемого объекта. Препозицию к детерминанту занимает а т р и б у т и в — определяющее слово, определитель. Определяемая часть топонима (детерминант) всегда выражена существительным. В определяющей части представлены главным образом существительные и прилагательные, реже причастия, числительные, послелогии, в единичных случаях — местоимения и наречия. Это характерно для топонимии и других финно-угорских языков. Однако в отличие, скажем, от удмуртской топонимии, на Казыме послелогии редко употребляются.

Третий раздел работы (с. 128—216) посвящен семантике и функционированию детерминантов в сложных топонимах бассейна р. Казым. Семантика детерминантов позволяет получить представление о географических особенностях местности, разновидностях ландшафта, а также о типах поселений и некоторых других объектах, связанных с деятельностью человека.

Детерминанты сложных топонимов автор делит на две группы: физико-географические названия и термины, обозначающие культурные объекты. В хантыйской топонимии выявлено 55 физико-географических терминов, большая часть которых связана с названиями рек, озер, болот. Это естественно: ханты до сего времени не знают пашенного земледелия, они рыбаки, охотники, собиратели продуктов питания, растущих в сибирской тайге, отчасти — оленеводы. Реки и озера являются основными путями передвижения в бездорожной таежной зоне. Не случайно, детерминантов, обозначающих культурные объекты (село, поселение, место жилья), выявлено всего девять.

Самыми частотными оказались такие детерминанты, как 'озеро', 'ручей', 'селение', 'река' и т.п.

Как считает Т. Н. Дмитриева, своеобразие казымской (хантыйской) географической терминологии создается прежде всего за счет коми заимствований и образного переосмысления лексем, изначально не имевших географической семантики.

По этому разделу есть замечание-предложение: хотелось бы увидеть этимологии детерминантов, если не на общефинно-угорском, то хотя бы на общеугорском или на обско-угорском уровне с привлечением диалектных вариантов слов-терминов.

Раздел четвертый (Атрибутивная часть топонимов: природа и человек в зеркале хантыйской топонимии Казыма) занимает более половины теоретической части исследования — 372 с. Семантика атрибутов многогранна и универсальна: как в топонимии любого многоязычного региона, в хантыйских географических названиях можно найти информацию о физико-географических и экологических особенностях местности, о традиционных занятиях, быте, материальной и духовной культуре населения, о его древней и современной истории, о контактах с соседними народами. Наряду с апеллятивной, нарицательной лексикой здесь представлены и собственные имена — антропонимы, теонимы, имена мифических и фольклорных персонажей.

Данный раздел работы состоит из подразделов и более мелких делений: 1. Физико-географическая и экологическая характеристика местности; сведения о природных объектах; ландшафт; характеристика относительного местоположения объектов; сведения о свойствах и качествах природных объектов; свойства и качества самих объектов; флора региона; фауна региона; 2. Человек и его деятельность. Наименования жителей: апеллятивы, антропонимы. Традиционная культура ханты: материальная культура (рыболовство; охота; оленеводство; домашние животные; пути и средства передвижения; постройки и сооружения; быт, связанный с домашним хозяйством; типы поселений); духовная культура, связанная с религиозно-мифологическими представлениями ханты: к типологии священных мест; компоненты топонимов, указывающие на сакральность или примечательность называемого объекта (апеллятивы; имена духов-охранителей и других сверхъестественных существ; названия изображений духов; священ-

ные деревья). Принцип деления и номинацию многочисленных крупных и мелких подразделов, групп и подгрупп, а также их целесообразность оставляю на совести автора.

Как пишет Т. Н. Дмитриева, в хантыйской топонимии ярко проявляется неразделимая связь и единство материальной и духовной культуры народа. В названиях географических объектов, возникших на основе образных сравнений, отчетливо проявляется этнокультурная специфика хантыйской топонимии.

На материале топонимии, связанной с фольклором, этнографией, мифологией, материальной и духовной культурой ханты, можно четко представить древнее состояние топонимии, принципы номинации у финно-угорских и других народов мира. В этом ценность и уникальность работы Т. Н. Дмитриевой.

С принятием христианства возникли новые, более удобные в употреблении принципы номинации географических объектов. Более всего это коснулось названий селений и городов, речных и морских портов, аэродромов, авто- и железнодорожных станций — здесь, как правило, бытуют одно- и двусоставные названия. Многие ойконимы и названия этих объектов связаны с личными именами, фамилиями их основателей или выдающихся личностей, связанных с этими объектами, а также именами святых Божиих людей, христианскими праздниками, названиями церквей и монастырей.

В связи с этим возникают некоторые вопросы:

1. Если ханты были крещены в 1712—1715 гг., каким образом в течение длительного периода могли сохраниться в такой полноте и чистоте древние языческие верования, обряды, обычаи, воззрения на окужающий мир, такой уровень материальной и духовной культуры? Может быть, крещение было формальным и миссионерская работа не велась? Церкви, часовни, молельные дома, школы не строились? Священное Писание не переводилось? Создается впечатление, что влияние христианской рели-

гии не отразилось в хантыйской топонимии Казыма, или автор проигнорировала эту сторону духовной культуры?

2. По мнению Т. Н. Дмитриевой, ханты пришли на Казым поздно. Но откуда, когда и по какой причине они переселились? Кто до них обитал здесь, что об этом говорят археологи, историки, топонимисты?

В пятом разделе (с. 590—753) рассматриваются лингвоэтнические контакты и их отражение в топонимии Казыма. Автор пишет о длительных хантыйско-ненецких, хантыйско-коми, хантыйско-мансийских, хантыйско-русских контактах. В диалектах хантыйского языка встречается примерно 400 коми-зырянских, более 100 ненецких, по несколько десятков мансийских, татарских, эвенских заимствованных лексем. Самое же большое количество заимствований проникло из русского языка (сколько?). О продолжительных контактах этносов на Казыме свидетельствуют и топонимы, созданные разными народами на своих родных языках.

Есть по этому разделу и замечания: при анализе топонимии любого региона выделяются исторические пласты иноязычных, субстратных названий географических объектов, а если их нет, то иноязычные топонимические элементы. Знакомство с этой работой показало, что топонимических пластов на Казыме нет, есть только некоторые топонимические элементы, которые расшифровываются с помощью коми, ненецкого, мансийского языков, и всего 18 названий неизвестного происхождения. В таком случае Казымский край, как считает Т. Н. Дмитриева, хантыйским населением действительно заселен поздно, оформление этно-диалектных черт у этой группы завершилось только в XIX в. Но кто тогда до них здесь жил? Что говорят материалы археологии о заселении бассейна р. Казым?

Из работы не выясняется, где шло формирование хантыйского народа, где находилась его исходная территория. В этом важном вопросе самые ценные данные содержат палеолингвистические, в первую очередь топонимиче-

ские, шире — ономастические материалы. Если бы этот вопрос был проработан основательнее, яснее бы стали проблемы формирования хантыйских племен и заселения ими данной территории.

Ученые, занимающиеся палеолингвистическими топонимическими проблемами, обратили внимание на наличие в Западной Сибири, на территории обских угров, в том числе и на Казыме, большого числа географических названий, оканчивающихся на *-ым, -им, -ум*: *Надым, Пелым, Казым, Атлым, Сорум, Лахсум, Ньюрум, Моим, Выгрим* и т.д. Те же топоформанты присутствуют в гидронимии Урала и лесной зоны Восточной Европы, на территории Свердловской, Пермской, Кировской областей, Коми, Удмуртской, Марийской Республик. В Удмуртии встречаются такие географические названия с указанными топоформантами: *Лулым, Кестым, Зетым, Ирым, Ухтым, Тортым, Костым, Мертым, Порым, Позим, Ум* и др.

Известный топонимист А. К. Матвеев отрицает проникновение обско-угорского населения в Европейскую часть России. Наша же удмуртская топонимия, этнонимика, некоторые исторические документы свидетельствуют, что обские угры когда-то проникали далеко на запад от Урала. Об этом говорят и отдельные географические названия в Удмуртии: р. *Уня* < манс. *унь* 'запруда в реке' + я 'река'; р. *Уть* < манс. *уть* 'порог на реке; отмель' (ср. также *Убыть, Омуть* — реки в бассейне р. Чепцы); р. *Яран* (бас. рек Иж и Вала) < хант. *johan* 'река'; р. *Варсэм, Уарсэм* и населенные пункты *Варсем, Уарсем, Уварсем* в Кезском, Глазовском, Балеинском районах < хант. *varsэм* 'кустарник; кустарниковый'; р. *Вари* < хант. *uori* 'старица, озеро около реки; курья' и т.д. По нашим данным, основы воршудно-родовых имен удмуртов *Порга (Пурга), Можга, Егра (Эгра)* связаны с обско-угорскими этнонимами *пор, мощ, югра*.

В этом разделе наиболее интересным мне показался анализ хантыйско-коми (зырянских) этноязыковых контактов.

Внушительная по объему работа Т. Н. Дмитриевой завершается скромным заключением на 2,5 с. (754—757).

В приложениях (с. 758—847) представлены карты священных и примечательных мест казымских ханты, список источников и использованной литературы, список информантов, указатель принятых сокращений.

Сделанные замечания не носят принципиального характера и не снижают общего высокого научного уровня работы. Выводы автора внушают доверие и представляют для хантыйского, в целом — для финно-угорского (уральского)

языкознания большой научный интерес. Много ценного и интересного найдут в работе Т. Н. Дмитриевой топонимисты по угорским, самодийским, коми, русскому языкам, а также диалектологи, фольклористы, этнографы, географы.

М. Г. АТАМАНОВ (Ижевск)

Address:
M. G. Atamanov
ul. Dzerzhinskogo 8—70
426050 Izhevsk, Udmurtia, Russia
E-mail: natkon@udm.ru